

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ
В РОМАНАХ АЛЕКСАНДРА ГРИНА**

Стаття присвячена розгляду специфіки просторових символів в романах Олександра Гріна. Проводиться аналіз трьох головних символічних образів, які різною мірою є присутніми в кожному з романів письменника.

Ключові слова: Грін, роман, символізм, просторовий символ.

Статья посвящена рассмотрению специфики пространственных символов в романах Александра Грина. Проводится анализ трех главных символических образов, которые в разной степени присутствуют в каждом из романов писателя.

Ключевые слова: Грин, роман, символизм, пространственный символ.

The article is dedicated to consideration of specific feature of spatial symbols in the novels of Alexander Grin. The analysis of three main symbolic characters is presented.

Key words: Grin, novel, symbolism, spatial symbol.

Александр Степанович Грин – это художник слова, творческое наследие которого еще не осознанно в полной мере. Он писал в смутное время революции, гражданской войны и становления соцреализма. Но его произведения говорят о вечных непреходящих ценностях: о внутреннем мире, душе, духовном пути человека. Исследованием творчества А. Грина занимались такие ведущие ученые, как В. Бааль [1], Н. Кобзев [2], В. Ковский [3], А. Цонева [4], и др. Если в советские годы А. Грин рассматривался, как писатель романтического или фантастического направления, то сейчас все большее внимания уделяется символической составляющей его творчества. В диссертационных работах В. Романенко [5], А. Мазина, [6], Е. Козловой [7] в центр исследования уже ставится символ в прозе А. Грина.

На наш взгляд, особый интерес представляют романы писателя, где через символические образы автор выражает свое виденье мира. Если рассмотреть пространственную структуру гриновских романов, можно выделить три главных символических образа, которые в разной степени присутствуют в каждом из них. Это пространство **моря**, символизирующее мир духовный, по которому в поисках своего «Несбывшегося» странствуют люди; это образ **пути** (в том числе и морского пути), символизирующего духовный путь героя; и это образ **дома** – символ личного духовного пространства, индивидуально-внутреннего мира, который герой сам выстраивает или получает его в наследство как данность (дом Джесси в романе «Джесси и Моргиана», или дом Футроза, где обитают Розна и Элли, в романе «Дорога никуда»).

Попробуем проследить за трансформацией этих образов, начиная с первого романа А. Грина «Блестящий мир» - и заканчивая последним, незаконченным романом «Недотрога».

© Белогорская Л.В., 2013

В романе «Блестящий мир» морское пространство еще не занимает такое место, как в последующих двух романах. Его заменяет воздушное пространство и образ полета, символизирующий, по словам самого автора, «парение духа», т.е. духовный полет героя. Но здесь важным пространственным ориентиром становится маяк. События происходят в комнате смотрителя маяка, которая находится высоко над морем. Герой смотрит из окна этой комнаты вниз, на бушующие волны, которые отражают его внутреннее состояние. Море внизу, небо вверху, а между ними – комната маяка, где Друд объясняется со своей Тави, и откуда начинается их совместный **путь** – полет в небо. Как видим, в первом своем романе Грин изображает только клочок бушующего моря, видимого из окна маяка.

Все события второго романа А.Грина «Золотая цепь» уже непосредственно связаны с морем. В своих следующих романах писатель больше не будет использовать образ «полета наяву» – может быть, для того, чтобы у читателей не возникало ощущение, что описанные события относятся к области фантастики. В других романах Грина символом духовного пространства уже будет **море**.

Роман «Золотая цепь» начинается с событий, происходящих в кубрике маленького суденышка «Эспаньола». Далее следует путешествие по бушующему морю к загадочному мысу Гарденна, где находится таинственный дом. О событиях рассказывает от первого лица шестнадцатилетний герой Санди, ставший по воле случая их участником. **Море** символизирует здесь путь души Санди, столкнувшейся с невиданным.

Пространство **дома** занимает в этом романе центральное место. Дом Ганувера, воплотивший в себе самые невероятные и сказочные фантазии, выстроен в соответствии с мечтами Молли, его любимой. Он задуман для Молли, как отражение ее внутреннего мира, ее мечты. Только построен он Ганувером для Молли, но без Молли – и поэтому отразил амбивалентность и трагизм внутреннего мира Ганувера.

Это самое необычайное и фантастическое пространство из всех изображенных Грином (достаточно сравнить дом Ганувера с домами Гарвея и Дэзи, или с домом Джесси). Но оно не принесло героям духовной гармонии, а наоборот, разрушило их отношения. Золотая цепь, давшая возможность воплотить мечту о невиданном доме, в то же время явилась разрушающим, разделяющим началом, которое хранится внутри дома, но не дает героям счастья.

В третьем романе А. Грина «Бегущая по волнам» пространство **моря** уже занимает центральное место. Герой в поисках несбывшегося **путешествует по морю** (символ духовного пути). И именно в открытом море, когда Гарвей находится в шлюпке совершенно один, происходит его встреча с Фрези Грант. Образ Фрези Грант перекликается с символом Вечной Женственности. Через этот образ главный герой познает тайну, скрывающуюся в глубине мира, и этот образ приводит Гарвея к Несбывшемуся, которое он ищет.

Конечная точка духовного пути героя – **дом**, выстроенный в соответствии с внутренним миром любимой, идентичным его собственному. Это уже не дом Ганувера с его непостижимым, неуправляемым, пугающим пространством. Дом Гарвея и Дэзи, героев романа «Бегущая по волнам», не роскошен по сравнению с домом из «Золотой цепи», – он очень прост. Но именно в нем герои обретают внутреннюю гармонию. Ведь когда он строился, влюбленные не разлучались, как Ганувер и Молли. Заметим, что в рома-

не «Золотая цепь» Ганувер путешествует по морю один – символ одинокого духовного пути, без любимой. И строит он свой дом тоже один. В романе «Бегущая по волнам» Гарвей и Дэзи путешествуют вместе по местам, которые Гарвей посещал раньше – символ совместного, общего для двух влюбленных духовного пути. А в это время по проекту Гарвея перестраивается дом, который должен соответствовать внутреннему миру Дэзи. Этот **дом** и становится конечным пунктом их духовного пути, где герои обретают полноту счастья.

Следующие два романа «Джесси и Моргиана» и «Дорога никуда» были написаны уже на рубеже 1920-30-х г.г. Это было время трудное для Грина и для всего его поколения. Произведения Александра Степановича больше не хотели печать. В издательствах просили что-нибудь в духе современности. Но он не мог поломать себя, подстроившись под социалистический реализм. Интересно, что именно тогда пространство **моря** почти уходит из романов писателя. Его герои **путешествуют** уже по суше – это или автомобильная дорога, или дорога лесом. По автомобильной дороге едет Джесси к сестре, когда узнает из письма, что Моргиана отравила ее. По автомобильной дороге движется и Давенант («Дорога никуда»), когда спешит оправдаться перед семьей Футроза. Эта **дорога**, в отличие от дороги морем или небом, не наполнена фантастическими событиями. Такая **дорога** приносит героям напряжение, трудную борьбу с собой и с внешними препятствиями.

Интересно, что в феерии «Алые паруса», предшествующей написанию первого гриновского романа, важную роль играет картина, на которую любил смотреть юный Грей. На ней изображено бурное море и корабль. Именно она повлияла на решение Грея стать капитаном. В последнем романе Грина такой же юный Давенант тоже рассматривает картину, но изображает она безлюдную **дорогу** среди холмов, освещенных утренним светом, и носит название, как и роман, «Дорога никуда». Эта картина также становится отражением судьбы героя. Правда, **морская дорога** тоже присутствует в последнем романе Грина, но это не дорога-странствие, а дорога-бегство от опасности, дорога-сражение. **Морское пространство**, символизирующее у Грина мир духовный, свободу духа, в последних романах сведено до минимума и несет для героев смертельную опасность. Джесси просто для забавы бросает камни с обрыва и чуть не срывается с него в море: «Смерть пошутила» [8: 199]. Морем пытается Давенант скрыться от преследователей. Но от раны, полученной при перестрелке на море, он умирает **в тюрьме**. Можно предположить, что в этих символических событиях из романов нашло отражение то, что происходило в эти годы в стране: всякая свобода и, в особенности, свобода духа преследовалась и уничтожалась.

Образ **тюрьмы** присутствует как в первом, так и в последнем романе А. Грина. Но в первом романе «Блестящий мир» герой освобождается из тюрьмы. «Я свободен везде, даже здесь» - говорит он Руне [9: 99]. Для Друда **дом** - это весь мир. В последнем же романе, несмотря на все усилия друзей освободить Давенанта, его настигает смерть в тюрьме.

В романах «Золотая цепь» и «Бегущая по волнам» жизненный путь приводит героев к **дому**. И в романе «Джесси и Моргиана» девушка, несмотря на все испытания, все-таки остается жить в своем **доме**, символизирующем внутреннее духовное простран-

ство героини. В отличие от предыдущих, в последнем романе Грина «Дорога никуда» герой вынужден уйти из **дома** Роэны и Элли, который является для него сакральным центром, символизирующим счастье и гармонию духа. После долгих скитаний конечным пунктом жизненного пути Давенанта, его «дороги никуда» становится **тюрьма**, где он умирает. Нельзя не усмотреть в судьбе героя последнего романа иносказание судьбы самого автора, заключенного в «духовную тюрьму» советского строя.

Незаконченный роман «Недотрога» также символичен. В нем бедная девушка восстанавливает полуразрушенный форт, который находится на берегу моря, для того, чтобы превратить его в свой **дом**. В саду рядом с домом, по замыслу автора, должны цвести чудесные цветы – «недотроги», которые вянут от присутствия рядом с ними нехороших людей, и поэтому героине приходится тщательно оберегать их от недобрых глаз. Если вспомнить о судьбе гриновского наследия и тех героических усилиях, которые пришлось приложить Нине Грин, жене писателя, чтобы восстановить как творческое, так и материальное достояние мужа – домик Грина в Старом Крыму, невольно напрашивается мысль о предвидении. Но роман остался незаконченным. Будет ли восстановлен полуразрушенный форт? Зацветут ли в саду рядом с ним удивительные цветы «недотроги», как задумывал автор? Ведь настоящая оценка, настоящее понимание наследия Грина еще только ждут нас. Сама незаконченность последнего романа Грина превращается в особый символ, обращенный к нам, прорастающий из литературы в жизнь.

Из вышесказанного видно, что три главных символических образа пространственной структуры гриновских романов **моря**, **пути** и **дома** меняются от первых романов к поздним. И если в ранних романах образ **морского пути**, символизирующий путь духовный, свободу духа приводит героев к **дому** – символу внутренней гармонии, то в последнем романе **путь** ведет героя из **дома** к тюрьме и смерти, что и выразилось в символическом названии романа «Дорога никуда». Можно предположить, что Грин невольно отразил состояние, в котором находилось в те годы советское общество. И только неоконченный роман «Недотрога», где героиня своими руками восстанавливает полуразрушенный форт над морем, превращая его в **дом** с садом, вселяет пророческую надежду на духовное возрождение в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бааль В. И. Творчество А. С. Грина. – М., 1978.
2. Кобзев Н. А. Роман Александра Грина (Проблематика, герой, стиль).- Кишинев, 1983.
3. Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина. – М., 1965.
4. Цонева А. Субъективный строй рассказов А. Грина // Проблемы автора в русской литературе.- Ижевск, 1978.
5. Романенко В. А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А. С. Грина. Дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. -Тирасполь, 1999.
6. Мазін А.М. Поетика романтичної прози Олександра Гріна. Дис. на здоб. наук. ступ. канд. філол. наук. - Дніпропетровськ, 2002.
7. Козлова Е.А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности . Дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. - Псков, 2004.

8. Грин А.С. Избранное. - М.: Правда 1989.
9. Грин А. С. Алые паруса. - К. : Рад. шк. 1990.

УДК 821.10.01

Сквіра Н.М.
(Київ, Україна)

ТАРАС ШЕВЧЕНКО І РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА XVII – ПЕРШОЇ ТРЕТИНИ XIX ст.

У статті досліджуються впливи російської літератури означеного періоду на формування світогляду Тараса Шевченка, на засвоєння ним творчого досвіду російських письменників та поетів, на творення власної естетики, проблематики, тематики, ідейно-стилістичної парадигми.

Ключові слова: лектура, традиція, тема, образ, мотив.

В статье исследуются влияния русской литературы указанного периода на формирование мировоззрения Тараса Шевченко, на усвоение им творческого опыта русских писателей и поэтов, на создание собственной эстетики, проблематики, тематики, идейно-стилистической парадигмы.

Ключевые слова: лектура, традиция, тема, образ, мотив.

The influence of Russian literature of the marked period on Taras Shevchenko's forming of worldview, on mastering of creative experience of the Russian writers and poets, on creation of his own aesthetics, themes, ideological-stylistic paradigm are investigated in the article.

Keywords: reading interests, tradition, theme, character, motive.

Грунтовне ознайомлення з російською літературою Шевченко розпочав у 30-ті рр. XIX ст. Водночас російська література XVII – першої третини XIX ст. також мала значний вплив на формування світогляду творця, на засвоєння ним творчого досвіду російських письменників та поетів, на творення власної естетики, проблематики, тематики, ідейно-стилістичної парадигми.

Про лектуру поета свідчать його творча спадщина та спогади сучасників. Так, ізпоміж пам'яток XVI–XVII ст. особливу увагу Шевченко звертав на «Повість про Петра і Февронію», про що є згадка у повісті «Капітанша», та на «Повість про горе-злочастя», сюжет якої він використав при створенні циклу малюнків із серії «Притча про блудного сина» [1]. У повістях Шевченка є також згадки про «Казку про Єруслана Лазаревича» («Близнюки») та «Слово про птахів небесних» («Прогулянка з задоволенням і не без моралі»), котрі збереглися у списках XVII–XVIII ст.

Шевченко вважав, що класицизм, як і його естетична програма, відійшли в минуле. У поемі «Царі» поет висміює «оду пишно-чепурну». Г. Державіна за оду «До Феліци»

© Сквіра Н.М., 2013